

МИГРАЦИИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 94(47)"13"

doi 10.17072/2219-3111-2019-2-5-13

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВХОЖДЕНИЯ ТЮРКОВ ЗАУРАЛЬЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Г. Х. Самигулов

Фонд содействия сохранению объектов культурного наследия «Общественный фонд "Южный Урал"»,
456618, Челябинская обл., Копейск, ул. Ленина, 28
Gayas_@mail.ru

Рассматриваются некоторые стереотипы трактовки истории вхождения тюрков Зауралья в состав Российского государства в конце XVI в. Считается, что такие зауральские тюркские родо-племенные группы, как табын, бакатин и сынрян, были покорены и стали русскими подданными в 1610-х или 1630-х гг. в отличие от тюрков Приуралья, которые добровольно вошли в состав Российского государства в 1554–1557 гг. В разных исследованиях транслируется мнение о том, что, поскольку зауральские башкиры были завоеваны, они платили больший, чем приуральские башкиры, ясак, наряду с ним платили государевы и воеводские «поминки» и были лишены вотчинных прав на землю. Обращение к документам, в том числе опубликованным, показало несостоятельность такого мнения. Часть родо-племенных групп табын, сынрян и бакатин действительно поддерживали хана Кучума, а впоследствии его потомков в борьбе с Российским государством. Но параллельно с этим в составе Уфимского и Тюменского уездов существовали Каратабынская (Табынская) и Сынрянская волости, чье население платило ясак и несло прочие обязанности, характерные для ясачных подданных. Документы подтверждают наличие вотчинных прав на землю у всех тюркских племен Зауралья. Размер ясака зауральских тюрков был сопоставим с таковым у приуральских башкир, а в некоторых случаях был очень невелик, как, например, у табынцев, которые платили по одной лисице в год. Вполне возможно, что это не единственные ошибочные стереотипы, и история вхождения Зауралья в состав Российского государства требует изучения с опорой на релевантные источники.

Ключевые слова: уезд, подати, ясачные люди, вотчинное право, башкиры, вогулы, татары.

Тема вхождения народов Урала и Зауралья в состав Русского государства актуальна сегодня. При этом степень изученности ряда вопросов, связанных с этим процессом, вряд ли можно назвать достаточной. К таким следует отнести вхождение в состав Московского государства тюрков Зауралья и характер их подданства: набор прав и обязанностей по отношению к государству. В работах, где обсуждаются эти вопросы, недостатка нет. В предлагаемой статье будет рассмотрена обоснованность некоторых тезисов в исследованиях по истории башкир.

Я опираюсь на анализ опубликованных и вновь выявленных материалов. Принципиальное различие подходов моего и ряда авторов заключается в том, что я разделяю понятие «башкиры» как обозначение общности родо-племенных групп (этноса) и понятие «башкиры» как обозначение сословной группы – ясачных людей Уфимского уезда. Иначе говоря, я рассматриваю тюркское население Зауралья в контексте административного деления Российского государства конца XVI–XVII в., социальной структуры общества и системы прав и обязанностей схожих сословных групп в разных уездах. Многие же авторы ставят знак равенства между сословным и «этническим» содержанием понятия «башкиры» в дореволюционный период.

Вхождение зауральских тюрков в состав Российского государства достаточно кратко и емко описал Б.А. Азнабаев: «Характер принятия российского подданства башкирами представляет интересный пример дифференцированного подхода царского правительства к тем, кто был завоеван, и тем, кто добровольно принял российское подданство. Значительная часть зауральских башкир до 30-х годов XVII века не признавала российского подданства и поддержала антирусские действия хана Кучума и его сыновей. В итоге эти башкирские волости первоначально даже не были включены в состав Уфимского уезда, их кочевья подвергались постоянным нападениям со стороны казаков и сибирских служилых людей. Ясачный оклад, которым они были обложены после покорения,

в несколько раз превосходил подати башкир Уфимского уезда. Он исчислялся поголовно. Кроме того, в ясачный сбор официально были включены воеводские поминки» [Азнабаев, 2005, с. 76]. Практически о том же пишут авторы «Истории башкирского народа»: «Завоеванные башкиры были обложены более тяжелым ясаком. Сибирские башкиры платили ясак с каждого человека по 1 руб. 19 алтын 3 деньги, а уфимские – с вотчины (с ответственного плательщика – по 25 коп.). Затем размер ясака у зауральских башкир был несколько уменьшен (по 5 кунит с человека). Они платили и «государевы», и «воевоцкие» поминки» [Усманов, 1982, с. 180; История..., т. 3, с. 58]. Б.А. Азнабаев утверждает: «Однако главное отличие состояло в том, что зауральские башкиры до начала XVII века не получили вотчинных прав на свои земельные владения, что позволило правительству развернуть здесь масштабное строительство крепостей и острогов» [Азнабаев, 2005, с. 76]. Авторы «Истории башкирского народа» менее категоричны в оценках отличий вхождения в состав Российского государства Зауралья от приуральских территорий. Большая часть зауральских башкир, по их мнению, всё же приняли подданство добровольно, а силой оружия была покорена пусть и немалая, но неосновная по численности часть зауральских тюрков. В качестве показателей добровольности принятия русского подданства авторы «Истории башкирского народа» считают наличие жалованных грамот и вотчинных прав на землю [История..., т. 3, с. 56–58].

В рамках статьи я проанализирую некоторые аспекты рассматриваемой темы: 1) «Завоевание» зауральских башкир как причина их якобы более тяжелого положения относительно положения населения приуральской части Башкирии; 2) Значительно больший ясак, которые платили зауральские башкиры, в сравнении с «уфимскими»; 3) Уплата зауральскими тюрками воеводских и государевых поминков; 4) Отсутствие у ряда башкирских родоплеменных групп Зауралья вотчинных прав на землю в связи с тем, что в состав Российского государства они не вошли добровольно, а были завоеваны.

1. «Завоевание» зауральских башкир как причина их более тяжелого положения относительно положения населения приуральской части Башкирии.

Этот тезис настолько часто повторяется, что стал уже почти аксиомой, хотя я не смогу назвать работу, в которой бы предпринималась попытка дать его развернутое подтверждение. Достаточно кратко и полно эта точка зрения выражена в работе А.Н. Усманова: «Процесс вхождения зауральских башкир в состав России был, прежде всего, более затяжным, чем у уфимских башкир. Основная часть северо-восточных башкир признала власть русского правительства в 1586 г., когда шла борьба с сибирским ханом Кучумом... Другая, меньшая часть зауральских башкир, а именно родовые группы табынцев, сынрянцев и отчасти мякотинцев, вошла в состав России после окончательного разгрома Сибирского ханства и в процессе последующей борьбы уже с сыновьями Кучума. До конца первого десятилетия XVII в., оставаясь в лагере кучумовичей, эти башкиры участвовали в борьбе, которую вели сибирские царевичи» [Усманов, 1982, с. 179]. Б.А. Азнабаев несколько усилил этот тезис: «Значительная часть зауральских башкир до 30-х годов XVII века не признавала российского подданства и поддержала антирусские действия хана Кучума и его сыновей» [Азнабаев, 2005, с. 76]. Попробую разобраться, насколько эти суждения соответствуют материалам документов.

Наиболее часто упоминаемая в документах группа зауральских тюрков, поддерживавшая Кучума и его потомков, – табынцы. И одна из самых упоминаемых в документах с конца XVI в. зауральских волостей – Табынская, или Каратабынская. Уже одно это должно навести на мысль о том, возможна ли однозначная трактовка роли табынцев в противостоянии русских и Кучумовичей в конце XVI – начале XVII в. Судя по отписке уфимского воеводы Михаила Нагого тюменскому воеводе князю Луке Щербатому от 1601 г., в сентябре 1600 г. к Кучумовым детям было послано своеобразное посольство, состоящее из детей боярских, новокрещеных и 10 человек «башкирцев Табынские волости» (Миллер, 2000, т. 2, с. 195). В результате этого посольства к государю из степи выехал царевич Ишим. Затем в «Каратабынскую башкирскую дальнюю волость» был послан для встречи царевичей сын боярский Гаврила Артемьев с группой помощников. Далее часть «татар», т.е. тех же табынцев, отправилась в становище Кучумовичей в верховья Тобола для передачи им приглашения прийти под государеву руку. В лагере царевичей, по описаниям посланных, было 150 воинов, все табынцы. Уже в конце пребывания Артемьева в Каратабынской волости из степи, от Кучумовичей, вышло 20 семей табынцев. Казалось бы, все сказанное подтверждает тезиса о том,

что табынцы воевали на стороне Кучума и его потомков против России и приняли российское подданство после разгрома Кучумовичей.

Рассмотрим другой смысловой пласт этого же документа. В момент описываемых событий Каратабынская волость – «башкирская дальняя волость» Уфимского уезда, т.е. табынцы являлись подданными русского царя. В составе посольства Российского государства едут табынцы. Обратим внимание на то, что даже о вышедших от Кучумовичей 20 семьях сказано: «...Бывали де... они прежде того тое же Каратабынские волости ясашные же башкирцы, были с Кучумом» (Миллер, 2000, т. 2, с. 197). Следовательно, и Каратабынская волость в Зауралье существовала еще до 1600 г., и табынцы считались подданными русского царя, а то, что часть их поддерживала Кучума, а позже Кучумовичей, просто было политической реальностью того времени. Нужно отметить, что в документе, как и в других документах начала XVII в. (Миллер, 2000, т. 2, с. 198, 226), по отношению к табынцам, находившимся в лагере Кучумовичей, ни разу не использованы такие слова, как «воры» или «изменники». Обратимся к другим документам. 1600 г.: тюменский служилый татарин: «...Ездил де он из Баскурские волости (Тюменского уезда. – Г.С.) в Уфимский уезд, в Чилчеутскую волость, вестей проведывать и слышал... Уфинсково уезду государевы Тобанские волости ясашной татарин Утемыш...» (Миллер, 2000, т. 2, с. 184). 1600 г.: «... В прошлом в 104-м году ... приезжал де он из своей Сарыжской волости в Каратабынскую волость Уфинского ж уезда...» (Миллер, 2000, т. 2, с. 184), т.е. Каратабынская волость Уфимского уезда существовала в 1595–1596 гг. Думаю, эти фрагменты достаточно показательны, и не буду увеличивать количество цитируемых документов.

Что касается сынрян, то в 1593–1594 гг. они участвовали в строительстве Тарского острога (Миллер, 2000, т. 1, с. 282, 351). В этот период Сырянская волость относилась к Тюменскому уезду, после образования Верхотурского уезда (1598–1599) она отошла в ведение Верхотурья, где можно обнаружить ее в 1623 г. (Миллер, 2000, т. 1, с. 342). Впоследствии сынряне стали платить ясак в Уфу, не покидая территории своего проживания в верховьях р. Исеть и по ее притокам: Сысерти, Синаре, Багаряку [Самигулов, 2017]. Иными словами, участие части сынрян в борьбе с русскими не препятствовало тому, что родо-племенная группа сынрян сохранила свои вотчинные угодья, а Сырянская волость существовала в своих границах до того времени, когда началось активное строительство русских слобод в верхнем течении Исети и по ее притокам [Самигулов, 2017].

О башкирах Мякотинской волости информации в документах XVII в. мало, практически нет, но в XVIII в. они обнаруживаются на территории по озерам Иртяш, Наного, Касли и др. В 1734 г. старшина Мякотинской (бакатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: «В Уфинском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 11 об.) То, что я не располагаю сведениями о Мякотинской волости конца XVI – начала XVII в., связано скорее с недостаточной изученностью документов, относящихся к этой территории. Можно указать такие родо-племенные тюркские группы Зауралья, как сызги, кувакан, по которым тоже нет практически никаких опубликованных документов до начала XVIII в. Но это не означает, что этих волостей в XVII в. не существовало.

Таким образом, представление о том, что часть зауральских родо-племенных групп принимает российское подданство лишь в 1610-х, а то и в 1630-х гг., не подтверждается документами. Группы табын и сынрян являлись российскими подданными уже в конце XVI в., имели свои волости, платили ясак и несли повинности. Что касается группы бакатин (Мякотинская волость), то я могу это лишь предполагать, но и аргументов в пользу того, что они не были подданными Московского государства в конце XVI – начале XVII в., никто не привел. При этом часть, возможно, немалая, табынцев, сынрян и бакатинцев поддерживала Кучума, а впоследствии его сыновей, но на вотчинных правах людей, относящихся к этим волостям в Тюменском/Верхотурском либо Уфимском уезде, это никак не сказалось.

2. Значительно больший ясак, который якобы платили зауральские башкиры, в сравнении с ясаком приуральских.

Приведу цитату из книги Б.А. Азнабаева 2016 г.: «По Ногайской и Сибирской дорогам ясак вносился, в основном, крупными родовыми коллективами или даже объединениями родов. Здесь и в 30-е гг. XVIII в. действовали принципы ясачного обложения, утвержденные Ногайской Ордой. В 1734 г. мулла Тохчура Алмяков отметил, что с захваченной сакмарскими казаками вотчинной зем-

ли они всей волостью платят ясак “6 бобров, 30 куниц, да с каждой души по лисице на год, тако же прибавляя от отца, для того на каждой день по сту младенцев родится вашего императорского величества сто лисиц прибавок”». Напротив, в сельскохозяйственных районах севера и запада ясак вносили отдельные семьи, которые платили в казну по 5–10 куниц» [Азнабаев, 2016, с. 241–242]. Автор не объясняет, почему население Сибирской дороги платило ясак по принципам, «заложенным Ногайской ордой». Что касается ясачного обложения зауральских башкир, то башкиры Сырнянской волости в 1673 г. заявляли: «А в тех урочищах (вотчинах башкир Сырнянской волости. – Г.С.) рыбные и звериные всякие ловли, бортовых де угодьев нет, а ясаку он Куракай с товарищи на Уфу в государеву казну платят по 10 куниц на год» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 83). Сырнян («сырнянцы») как раз были одной из родо-племенных групп, представители которой воевали на стороне Кучумовичей и, по логике автора процитированной работы, не могли обладать вотчинными правами на землю и должны были платить очень большой ясак. Тем не менее размер их обложения вполне сопоставим с тем, что указал Б.А. Азнабаев для приуральского населения, – 10 куниц. А земли Сырнянской волости в переписных книгах 1673 – 1674 гг. названы вотчинными (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 83). Башкиры Каратабынской волости в 1692 г. описывали границы своих вотчинных земель (гигантских по площади) и указывали, что платят они с этих вотчин 300 лисиц в год (МИБ, 1936, с. 80). Можно уточнить, что до 1733 г., когда Таймас Шаимов был пожалован тарханским званием, он платил ясак в 1 лисицу в год (АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Важно обратить внимание еще на один момент в работе Б.А. Азнабаева 2005 г. Он отмечал, что в Приуралье ясак платили коллективно, а в Зауралье – каждый человек [Азнабаев, 2005, с. 76]. В работе 2016 г. описывается противоположная ситуация [Азнабаев, 2016, с. 241–242]. Не очень понятно, на чем автор основывался, делая столь обобщающие выводы. Представляется, что в том и другом регионах возможны были варианты как коллективной уплаты ясака, так и посемейной. Приведенная выдержка из документа о ясачном окладе сырнян показывает, что они платили подати раздельно. А башкиры приуральской Елдяцкой волости сообщали в 1714 г., что они окладной ясак платят тюбою (т.е. родовым коллективом) по 37 батманов меда (МИБ, 1936, ч. 1, с. 107).

3. Уплата зауральскими тюрками воеводских и государевых поминков.

Поминки как обязательные выплаты зауральских башкир упоминаются в работе Б.А. Азнабаева и «Истории башкирского народа» [Азнабаев, 2005, с. 76; История..., 2011, т. 3, с. 58]. При этом Б.А. Азнабаев ссылается на документ из «Материалов по истории Башкирской АССР» (МИБ, 1936, ч. 1, с. 73). Авторы «Истории...» ссылаются на работу А.Н. Усманова [Усманов, 1982, с. 180], а Усманов опирался на... те же самые документы из МИБ, которые позже использовал Б.А. Азнабаев (МИБ, 1936, ч. 1, с. 71). Таким образом, выводы об уплате всеми зауральскими башкирами государевых и воеводских поминков основываются на одних и тех же весьма немногочисленных источниках.

Документы № 1–3 в 1-й ч. МИБ отображают ситуацию с уплатой ясака и государевых, и воеводских поминков ясачными людьми Верх-Уфимской волости Верхотурского уезда (МИБ, 1936, ч. 1, с. 69–73). Жители этой волости называли себя башкирами (башкирцами), власти Верхотурского уезда обозначали их как «ясачных вогулов» (Дмитриев, 1897, с. 173; МИБ, 1936, с. 72–73).

Возникает ситуация, когда исследователи не понимают, что в Верхотурском уезде была одна система податного обложения ясачного населения, а в Уфимском – другая. В Верхотурском уезде (как и в прочих сибирских уездах) собирали помимо ясака государевы и воеводские поминки. В Уфимском уезде такой практики не существовало, т.е. не облагали ясачных людей дополнительно государевыми и воеводскими поминками. Я не встречал документов, где упоминается об уплате воеводских и государевых поминков ясачным населением зауральской части Уфимского уезда. Никто из упомянутых авторов подобных документов также не привел.

Получается, что авторы нескольких работ при реконструкции ситуации в зауральской части Уфимского уезда опираются на три документа, которые касаются ясачных людей Верх-Уфимской волости Верхотурского уезда. К ясачному населению Уфимского уезда, в том числе зауральской его части, эти документы никакого отношения не имеют. Распространять информацию о видах и размерах сборов с ясачных людей Верхотурского уезда на Уфимский уезд не корректно. В каждом уезде была своя система обложения ясаком, и уездным властям было все равно, к какой родо-племенной группе относят себя ясачные люди их уезда и на каком языке разговаривают, – на систему обложения ясаком это никак не влияло. В Верхотурском уезде были ясачные люди из угров,

тюрков, славян – все они назывались в документах Верхотурской приказной избы по сбору ясака XVII в. «ясачными вогулами», точно так же, как ясачное население Уфимского уезда в документах Уфимской приказной избы называлось «башкирами», а Тюменского и Туринского уездов – «татарами» [Самигулов, 2017, с. 186].

Заблуждение уфимских коллег демонстрирует одно из замечаний Б.А. Азнабаева: «Сибирская администрация, в отличие от уфимских воевод, не делала никакого различия между башкирами и другими ясачными людьми. Не случайно этноним "башкир" практически не встречается в официальной документации Сибирского приказа» [Азнабаев, 2005, с. 76]. Уфимские воеводы тоже не делали различия между разными языковыми либо «этническими» группами в составе ясачного населения Уфимского уезда – в документах они все назывались башкирами. Понятие «башкиры» в документах второй половины XVI – начала XX в. – обычно соционим, а не этноним, как и понятия «вогулы», «остяки», «татары» в Зауралье. Поэтому те люди, которые считали себя башкирами, но платили ясак в Тюмень, Тобольск или Туру, для воевод этих уездов были ясачными татарами. Точно так же, как татары, чуваша или мордва, платившие ясак в Уфу, в уфимских документах обозначались как «башкиры».

Уфимские историки воспринимают этническую общность «башкиры» и сословие «башкиры» как нечто идентичное с XVI в. до 1917 г. Наиболее четко эта точка зрения выражена в одной из работ М.И. Роднова: «Башкиры были единственным, уникальным в этом смысле народом, у которого сословие (вотчинник) и этничность практически совпадали (иные сословные группы были незначительны)» [Роднов, 2013, с. 161]. Не противоречит этому утверждение авторов «Истории башкирского народа»: «Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского государства не имел таких прав» [История..., 1949, т. 3, с. 61]. Могу лишь добавить, что авторы этих заявлений не привели никакой аргументации, которая бы подтверждала их слова.

4. Отсутствие у ряда башкирских родо-племенных групп Зауралья вотчинных прав на землю в связи с тем, что в состав Российского государства они вошли не добровольно, а в результате завоевания.

В «Истории Башкортостана» отмечено: «...Сибирские башкиры разными путями – одни мирно, другие в результате завоевания приняли русское подданство» [История Башкортостана, 2007, т. 1, с. 108]. Комментируя эту часть цитированного издания, авторы «Истории башкирского народа» заявляют: «Однако в числе первых (т.е. мирно принявших русское подданство. – Г.С.) не совсем оправданно перечисляются племена Айле, Кувакан, Катай, Сызгы, не владевшие жалованными грамотами на заселяемые ими земли, следовательно, завоеванные русскими военными командами» [История..., 2011, т. 3, с. 55]. Далее авторы рассуждают о вотчинных правах зауральских башкир: «Известно, что башкиры, добровольно принявшие русское подданство, сохранили свои земли на условиях вотчинного права» [История..., 2011, т. 3, с. 57]. В тексте нет пояснений, откуда это известно. Непонятно, как совместить это заявление с цитированным ранее тезисом из того же тома: «Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю» [История..., 2011, т. 3, с. 61].

Проанализируем аргументацию выводов об отсутствии у части зауральских башкир вотчинных прав на землю. «Рассмотрим земельные права башкир Сибирской дороги после присоединения к Русскому государству. При сохранении ими вотчинного права на землю можно делать вывод об их добровольном вхождении. По ведомости, составленной в 1841–1842 гг. кантонными начальниками, сохранились конкретные материалы о земельных отношениях у башкир и мишарей. В Екатеринбургском уезде имелось 34 башкирские аула. Из них жители 13 деревень жили на своих вотчинных землях. Башкиры 21 аула из Улу-Катайской, Шуранской, Сырянской, Больше-Кушинской и Айлинской волостей располагались на вотчинах других башкирских волостей на правах припущенников. В Троицком уезде из 95 деревень жители 64 были вотчинниками, остальной 31 деревни – припущенниками. В Челябинском уезде из 130 аулов башкиры 73 являлись вотчинниками, 57 – припущенниками... Таким образом, больше половины башкир северо-востока и востока приняло русское подданство добровольно. Около 40% сибирских башкир было завоевано Ермаком, правительственными командами Мансурова и других воевод» [История..., 2011, т. 3, с. 57–58]. Экстраполяция ситуации с земельными владениями середины XIX в. на конец XVI – начало XVII в. и вы-

воды на основе ее о процентах «завоеванных» и «добровольно присоединившихся» башкир позволяет говорить о некорректном использовании информации. Иначе говоря, делать выводы о степени добровольности принятия российского подданства тюркским населением Зауралья конца XV – начала XVII в. на основании данных о вотчинных землях башкир середины XIX в. нельзя. А почему нельзя, объяснено дальше.

С конца XVI до середины XIX в. значительная часть вотчинных земель зауральских тюрков была забрана, куплена или взята в аренду под строительство слобод, крепостей и заводов. Казалось бы, я написал то, что раньше изложил Б.А. Азнабаев: «Однако главное отличие состояло в том, что зауральские башкиры до начала XVII века не получили вотчинных прав на свои земельные владения, что позволило правительству развернуть здесь масштабное строительство крепостей и острогов» [Азнабаев, 2005, с. 76]. Но это кажущееся сходство, поскольку в главном мы с Булатом Ахмеровичем расходимся (как и со многими другими исследователями истории Зауралья). То, что земли были забраны (куплены, арендованы) под строительство острогов, крепостей, заводов, вовсе не означало, что зауральские башкиры, как и ясачные татары Тюменского и Туринского уездов или ясачные вогулы Верхотурского уезда, не имели вотчинных прав на них. Все они были ясачными людьми и, соответственно, были вотчинниками. Но верховным собственником земли являлось государство в лице царя. Можно напомнить, что наличие вотчинных прав не помешало правительству или частным лицам с помощью правительства забрать у башкир земли под строительство, например, Бирского городка, позже первого Оренбурга, Ельдяцкой крепости, Саткинского, Белорецкого, Архангельского и прочих заводов в Приуралье.

Причина того, что земли отчуждались, заключалась вовсе не в отсутствии вотчинных прав у ясачного населения, а в том, что государство стремилось развивать сначала крестьянскую колонизацию, затем военное продвижение и колонизацию заводскую. Рассматривать эти ситуации надо более подробно и с учетом особенностей каждого периода и каждой территории. Не имея возможности сделать это в рамках статьи, постараюсь все же показать, почему использовать информацию по расселению башкир в середине XIX в. для реконструкции ситуации начала XVII в. некорректно. Я уже писал о том, как происходил отъем земель в XVII в. у тех же сынрян [Самигулов, 2017], у тюркского населения Туринского и Тюменского уездов [Самигулов, 2017]. Башкир, живших на территории Уфимского уезда, эти процессы коснулись позже.

В 1735 г. на Южном Урале началось одно из крупных башкирских восстаний. В разгар восстания, 11 февраля 1736 г., был подписан именной указ императрицы Анны Иоанновны генерал-лейтенанту Румянцеву и статскому советнику Кирилову. Пунктом № 16 указа было определено: «Хотя по прежним указам и Воеводским наказам, в Уфимском уезде у Башкирцев земли и уголья покупать и крепить не велено, однакож ныне усмотрено, что то запрещение им Башкирцам весьма не полезно: того ради, для лучшей их впредь пользы, указали Мы, то запрещение отменить, и впредь с сего указа, земли и уголья тамошним жителям Дворянам и Офицерам и Мещерякам у Башкирцев покупать и за себя крепить позволить» (ПСЗ, т. 9. № 6890). То есть отменялась неприкосновенность вотчинных земель башкир и предоставлялось право покупать их «дворянам, офицерам и мещерякам». Этим же указом разрешалось строительство крепостей в Южном Зауралье, на башкирских землях.

Следствием этого указа и развития событий в Зауралье стало то, что уже в 1736–1742 гг. было поставлено несколько крепостей: Чебаркульская, Миасская, Челябинская, Еткульская, Уклы-Карагайская, Верхояицкая. В 1743 г. началось планомерное укрепление Оренбургской пограничной линии со строительством крепостей по рекам Уй и Яик [Буканова, 1997, с. 81–156]. При этом каждой крепости отводилась земля для хозяйствования ее населения и размеры участков были достаточно большими. Укажу лишь, что участки земли, отведенные Челябинской, Чебаркульской, Миасской и Еткульской крепостям, смыкались между собой (ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 448). Земли крепостям нарезались, естественно, из башкирских вотчинных владений, более того, всем четырем перечисленным укреплениям, а также Уйской и Уклы-Карагайской крепостям были отведены земли Каратабынской и Барынтабынской нераздельных волостей (ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; Ф. И-44. Оп. 1. Д. 164. Л. 1). В царском указе 1692 г. прописаны границы вотчинных земель Каратабынской волости: от р. Ай по р. Миасс до озера Аргазы, затем до р. Теча, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, оттуда до брода в районе впадения р. Чумляк (Сумляне) в р. Миасс и далее на устье р. Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению

Яика (р. Урал) (МИБ, 1936, с. 80). Но в 1730-х гг. государству эти земли понадобились, и часть их была изъята для постройки крепостей. В 1740 г. вышло распоряжение начальника Оренбургской экспедиции князя В.А. Урусова о размежевании земель крепостей и вотчинных земель башкир, а старшине Каратабынской волости Таймасу Шаимову Урусов направил указ «со объявлением е.и.в. имянного всемилостивейшаго повеления, что за все те земли, которые под строение крепостей заняты и ко оным приписаны будут, положенной на них, башкирцов, ясак по препорции снимется... а прочими их землями... владеть им, башкирцом, по силе их старинных грамот по-прежнему» (МИБ, 1949, с. 503). То есть власти подтвердили вотчинные права башкир Каратабынской волости, в том числе фактом снятия ясака пропорционально отчужденным землям.

Впоследствии началось строительство металлургических заводов на Южном Урале. А каждому заводу требовались огромные территории лесных угодий для отжига древесного угля, поскольку вплоть до конца XIX в. местная промышленность использовала древесный уголь. И земли эти, естественно, покупались или арендовались у местного вотчинного населения. Основанием для покупки или долгосрочной аренды служили Горная привилегия и Берг-регламент, согласно которым любой житель страны имел право искать и разрабатывать рудные «прииски», плавить и очищать металл и т.д. Именно на основании Берг-регламента были куплены земли для нужд Каслинского и Златоустовского заводов (РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 4. Л. 91; Ф. И-227. Оп. 1. Д. 10. Л. 3 об.). Позже в договорах о продаже земли для заводов стали ссылаться на императорский указ от 11 февраля 1736 г. и общее определение И.И. Неплюева и П.Д. Аксакова от 10 июля 1742 г., в котором уточнялось, что продажи башкирских земель следует заверять в Уфимской и Исетской провинциальных канцеляриях (ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7. Л. 19 об.–20).

Вследствие отчуждения земель для нужд крепостей, а затем для обеспечения работы заводов к середине XIX в. у зауральских башкир осталась лишь небольшая часть их вотчинных угодий. Но произошло это не потому, что они не имели вотчинных прав на земли, а потому, что для государства было важнее строительство крепостей и заводов, чем соблюдение вотчинных прав местных жителей. Следовательно, выводы о добровольном или принудительном вхождении в российское подданство тех или иных родо-племенных групп башкир, сделанные на основании материалов о землевладении середины XIX в., представляются необоснованными.

Что же касается вотчинных прав, то их наличие и обоснование хорошо иллюстрирует один из опубликованных документов. В царском указе 1694 г. уфимскому воеводе Д.Н. Головину, направленном в ответ на челобитную башкир всех четырех дорог, сказано: «...Наше де великих государей жалованья вотчины за ними в Уфимском уезде – леса, рыбные ловли, бобровые гоны и звериные ловли и всякие угодья, и тем нашим великих государей жалованьем вотчинами пращурь и прадеды, и деды, и отцы их владели по своим урочищам и тамгам, и они також владеют по родству по прежним тамгам и урочищам, и на те их старинные вотчины у прадедов и у дедов и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясашной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк... И как к тебе ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б их угодий и земель русским пришлым людям в оброк, и в тягло, и в службу отдавать не велел» (МИБ, ч. 1, с. 82–83). Жалованные грамоты не были необходимы для признания вотчинных прав. Как уже говорилось, вотчинное право было связано с ясачным (или служилым) статусом населения, что полностью подтверждается процитированным документом.

Можно привести пример из дела XVIII в., при разбирательстве которого башкиры Бала-Катайской волости объясняли: «А чем она земля им, белокатайцам, то есть дедам их и прадедам крепка, были ль какие данные крепости или указы, того он, Абдулла и другие белокатайские старожилы никто не знают. У него Абдуллы и ни у кого никакого виду не имеетца, владеют издревле ею, как и других волостей башкирцы» (РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.) На что чиновники Исетской провинциальной канцелярии отмечали: «В Ысецкой провинциальной канцелярии определено: хотя предписанным Абдуллой никакого права, кроме того, что издревле прапрадеды, прадеды, деды и они тою землею владеют, не объявил, но небызвестно, и других волостей у вотчинников не у всякова крепости или грамоты есть, а владеют из давних лет, тако ж как Абдулла с товарищи» (РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.). Таким образом, власти вполне признавали право владения «по старине» и не требовали предъявления жалованных грамот. Вотчинное право зауральских башкир признавалось без особых вопросов, причем для всех родо-племенных групп. Что же касается основных территорий вотчинных угодий Сызгинской, Айлинской, Куваканской и Ка-

тайской волостей, то они были проданы под строительство заводов в 1750-х гг., причем в документах оговаривалось, что это именно старинные вотчинные земли (ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7. Л. 66–66 об.; Д. 8, 11; Ф. И-227. Оп. 1. Д. 6. Л. 27–41 об., 136–145 об.).

Совсем странно выглядит ситуация с табынцами, поскольку представители этого рода больше всех воевали с русскими на стороне Кучума и его потомков. У них по логике авторов упомянутых трудов (История башкирского народа; Усманов; Азнабаев), вообще не должно быть вотчинных прав. Но уже отмечалось, что наличие вотчинных земель у башкир Каратабынской волости было подтверждено царским указом 1692 г. Могу добавить, что в 1842 г. подавляющее большинство деревень этой волости стояло на собственных вотчинных землях (Асфандияров, 1976, с. 210–233).

Выводы

1. «Завоевание» зауральских башкир и их позднее вхождение в состав Российского государства не подтверждается данными архивных документов.

2. Значительно больший ясак, которые платили зауральские башкиры, в сравнении с ясаком «уфимским» является мифом.

3. В Верхотурском или Тюменском уездах население платило подати, в том числе воеводские и государевы поминки, по правилам, принятым в этих уездах. Население, входившее в сословие башкир (ясачных людей Уфимского уезда), воеводских поминков, как и государевых, не платили вне зависимости от места проживания. При этом необходимо учитывать, что «этническое» и словесное значения понятий «башкир», «вогул», «татарин» не совпадали.

4. Наличие вотчинных земель у разных родоплеменных групп Зауралья, в том числе у айле, кувакан, бакатин, сынрян и табын, подтверждается документами XVII–XVIII вв.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Список источников

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 108. Оп. 1. Д. 1.
Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.
Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-44. Оп. 1. Д. 164; Ф. И-87. Оп. 1. Д. 448; Ф. И-115. Оп. 1. Д. 44; Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7, 8, 11; Ф. И-227. Оп. 1. Д. 6, 10.
Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 411. Оп. 1. Д. 4, 7.
Асфандияров А.З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археогр. сб. Уфа: Б.и., 1976. Вып. 2. С. 196–342.
Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 7: Верхотурский край в XVII в. Пермь, 1897. 256 с.
Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит-ра, 2000. Т. I. 630 с.; Т. 2. 796 с.
Материалы по истории Башкирской АССР (МИБ). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Ч. I. 631 с.; 1949. Т. 3. 783 с.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 9. 1027 с.

Библиографический список

- Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: Б.и., 2005. 228 с.
Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: Б.и., 2016. 370 с.
Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.
История башкирского народа: в 7 т. Уфа: Б.и., 2011. Т. 3. 476 с.
История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Уфа: Китап, 2007. Т. 1. 488 с.
Роднов М.И. В поисках татарской истории // Река времени. 2013. Уфа: Б.и., 2013. С. 154–162.
Самигулов Г. Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII в. // Научный диалог. 2017. № 1. С. 183–203.

Самигулов Г.Х. Слободское расселение, как способ отчуждения вотчинных земель ясачного населения: Туринский и Тюменский уезды XVII в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2017. № 3 (15). С. 238–248.

Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1982. 336 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.05.2018

DEBATABLE QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE TRANS-URALIAN TURKS INCORPORATION INTO THE RUSSIAN STATE

G. Kh. Samigulov

South Ural State University, Lenin ave, 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
Gayas_@mail.ru

The article analyzes some existing stereotypes regarding the history of the incorporation of the Trans-Uralian Turks into the Russian State in the late 16th century. It is considered that the Trans-Uralian Turkic clans *tabyn*, *bakatin* and *synryan* were conquered by force and became the Russian subjects in the 1610s or 1630s, in comparison to the Zis-Uralian Turks who voluntarily incorporated into the Russian State in 1554–1557. Different scholars reproduced the opinion that, due to the fact that the Trans-Uralian Bashkirs were conquered, they paid bigger *yasak* (in comparison to the Zis-Uralian Bashkirs) and *gosudarevy* and *voevodskie* “*pominki*” and were deprived of *votchina* rights on the land. By studying the documents, including published materials, the author demonstrates the inconsistency of the thesis mentioned above. A part of *tabyn*, *bakatin* and *synryan* clan groups held up Khan Kuchum and then his descendants in the conflict with the Russian State. But, at the same time, in Karatabynskaya (Tabynskaya) and Synryanskaya volosts in Tyumen and Ufa uezd, the population paid *yasak* and performed other duties of the *yasak* subjects. The documents confirm the availability of the *votchina* rights for all Turkic clans of the Trans-Urals. *Yasak* rate of the Trans-Uralian Turks was comparable to the Zis-Uralian Bashkirs’ rate and was quite small in some cases, for example, for Tabyns who paid one fox per year. It is possible that this myth is not the only stereotype, and the history of the incorporation of the Trans-Uralian Turks into the Russian Trans-Urals demands more studies based on relevant sources.

Key words: uezd, podat’, *yasak* people, *votchina* right, Bashkirs, Voguls, Tatars.

References

- Aznabaev, B.A. (2005), *Integratsiya Bashkirii v administrativnyuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret’ XVIII vv.)* [Integration of Bashkortostan into the administrative structure of the Russian state (the second half of the 16th – the first third of the 18th centuries)], w.p., Ufa, Russia, 228 p.
- Aznabaev, B.A. (2016), *Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoy tret’ XVIII v.* [Bashkir society in the 17th - the first third of the 18th century], w.p., Ufa, Russia, 370 p.
- Bukanova, R.G. (1997), *Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII v. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii* [Fortress cities of the south-east of Russia in the 18th century. History of the formation of cities in the territory of Bashkortostan], Kitap, Ufa, Russia, 256 p.
- Istoriya bashkirskogo naroda* (2011) [The history of the Bashkir people], Vol. 3., w.p., Ufa, Russia, 476 p.
- Istoriya Bashkortostana s drevneyshih vremen do nashih dney* (2007) [The history of Bashkortostan from ancient times to the present day], Vol. 1, Kitap, Ufa, Russia, 488 p.
- Rodnov, M.I. (2013), “In search of Tatar history”, *Reka vremeni* [River of time], w.p., Ufa, Russia, pp. 154–162.
- Samigulov, G. H. (2017), “Turkic volosts of Verkhoturks uezd in the 17th century”, *Nauchnyy dialog*, № 1, pp. 183–203.
- Samigulov, G.H. (2017), “Sloboda settlement as a way to alienate the patrimonial lands of the *yasak* population: Turin and Tyumen districts of the 17th century”, *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Istoricheskie nauki»*, № 3 (15), pp. 238–248.
- Usmanov, A.N. (1982), *Dobvol’noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu* [Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state], Bash-kir. kn. izd-vo, Ufa, Russia, 336 p.